

**ЧЕПКИНА Э. В.
КОЛЧИН Д. С.**

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОБЫТИЯ «НАЧАЛО ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ» В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация: Статья представляет результаты исследования практик конструирования события «начало первой чеченской войны» в российских СМИ разной идеологической ориентации в динамике от 1994 г. по 2019 г. В каждый период преобладающие смыслы события зависят от актуальной информационной повестки, демонстрируют и оправданность государственной политики в отношении Чечни, и антивоенный и гуманистический пафос.

Ключевые слова: дискурс СМИ, дискурс-анализ, дискурсивная практика.

**CHEPKINA E. V.
KOLCHIN D. S.**

ACTUAL ASPECTS OF DEVELOPING THE EVENT «THE BEGINNING OF THE FIRST CHECHEN WAR» IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN MEDIA

Abstract: This article shows the results of the research of the developing of events of «the beginning of the first Chechen war» in Russian media with different ideological views during the period between 1994-2019. In each period the prevalent meanings of the events depend on informational agenda's relevance, and are demonstrating reasonability of states policy regarding the Chechen republic and antimilitary humanistic pathos as well.

Keywords: mass media discourse, discourse analysis, discursive practices.

В декабре 2019-го исполнилось 25 лет со дня официального начала так называемой Первой Чеченской войны. Четверть века назад, 11 декабря 1994-го, российские войска были введены в Чечню. Шаткий переговорный процесс рухнул, уступив место кровопролитию.

В связи с отражением в прессе годовщины этой даты представляется актуальным анализ, как формировалось и менялось отношение к старту «первой чеченской кампании» в отечественной прессе различной направленности — на

примере публикаций федеральных СМИ в середине 90-х, в начале 2000-х и в настоящее время. Цель обращения к журналистским текстам данной тематики — изучение практик конструирования важного исторического события в динамическом аспекте.

Исследование практик конструирования события «Первая Чеченская война» в дискурсе СМИ опирается на дискурсивные методы анализа медиатекстов [3; 6]. Журналистский дискурс, посвященный чеченской тематике, рассматривается в рамках следующей трактовки понятия дискурс: это относительно устойчивое поле смыслов, формирующееся за счет специфических дискурсивных практик, которые социально упорядочивают организацию коммуникации [см.: 3, с. 14; 6]. Методы исследования дискурсивных практик основаны на выявлении и лингводискурсивном анализе повторяющихся тем и смыслов в текстах СМИ: дискурсивные смыслы анализируются без учета когнитивной сферы автора текста и его адресатов, с опорой на лингвистические средства выражения [там же]. К ведущим практикам конструирования события относятся практики выбора из внедискурсивной реальности объекта, для которого затем используются практики именования, а также практики описания [6].

Для рассмотрения процессов конструирования события взяты тексты из СМИ, различавшихся в середине 90-х разными идеологическими подходами: из правительственной «Российской газеты» (РГ), из либеральной «Новой газеты» (НГ) и газеты «Коммерсантъ», занимавшей своего рода «центристскую» позицию. В последующие периоды менялся идеологический подход «Коммерсанта», освещение событий в Чечне со стороны РГ и НГ в целом сохраняло первоначальные установки.

В основном анализ выполнен на текстах, которые выходили непосредственно в начальный период Первой Чеченской войны (декабрь 1994-го — январь 1995-го), в ее пятилетнюю годовщину (декабрь 1999-го — февраль 2000-го) и к 25-летию юбилею (декабрь 2019-го). Данные временные отрезки позволяют увидеть, как зарождался подход к освещению темы, как преломлялся на рубеже ельцинской и путинской эпох и в каком виде оказался сформирован к нашим дням. Кроме текстов, непосредственно освещающих ход первой чеченской кампании (со временем их становилось значительно меньше), мы использовали иные тексты о Чеченской республике, выходившие в интересующие нас периоды.

«Российская газета» изначально писала о конфликте с официальных позиций: акцент делался на противостоянии федеральных вооруженных сил и незаконных формирований. Приведем типичный контекст: *«На стороне чеченских боевиков, по данным МИД Украины, воюют около 50 украинских добровольцев»* (Украинские националисты воюют у Дудаева // Российская газета. 1995. 12 янв.). Характерно, как в тексте были представлены противники федералов: использована формулировка «чеченские боевики», ставшая со временем одной из визитных карточек двух войн в Чечне, также отмечено участие иностранных добровольцев. Конфликт таким образом предстает не вполне внутрироссийским, а слово «боевик» — «Член вооруженной группировки, входящей в неформальную (обычно террористическую) организацию» [2, с. 53] — указывает и на незаконность действий, и на связь с терроризмом.

О пятилетию событий «Российская газета» вспомнила с опозданием. В декабре 1999-го армия снова наступала на Грозный, и потому, возможно, в редакции решили не проводить неоднозначных параллелей, учитывая то, чем закончилась Первая Чеченская война. Зато 4 февраля 2000 года на страницах издания появился большой текст «Грозный, пять лет спустя», представляющий собой воспоминания российского офицера о событиях 1994-1995-го. Материал содержит формулировки, подчеркивающие, что военные действия ведутся с чужим, «нероссийским» противником: *«Славянин не стал темнить, рассказал, что он — украинский националист, добровольно, к тому же за большие деньги, взялся помочь дудаевцам. Лично мне дальнейшая его судьба неизвестна и неинтересна. Скорее всего, шлепнули гада тут же за заводскими постройками», «А ритм барабанов вообще вводил в состояние транса. Потом мы узнали, что это боевики, одуревшие от наркотиков, танцевали зикр ... Их ритуальные танцы, считалось, возбуждали боевой дух и освобождали от греха смертоубийства»* и так далее (Грозный, пять лет спустя // Российская газета. 2000. 4 фев.) «Националисты», воюющие «добровольно за большие деньги», «дудаевцы», «боевики, одуревшие от наркотиков» и танцующие «ритуальные танцы» — полный набор средств для формирования образа морально, культурно, религиозно «чужого», выведение его за пределы человеческого сообщества: «шлепнули гада» [о практиках конструирования «чужого» и «врага» см.: 4; 5].

25-летие с начала войны РГ абсолютно проигнорировала. Единственными отсылками к теме стали новостные заметки с итоговой пресс-конференции президента России Владимира Путина. Например, *«он напомнил о тяжелых событиях конца 90-х — начала 2000-х годов, “когда по сути на территории страны была гражданская война, шли активные боевые действия в Чеченской Республике”*» («Путин: Нельзя допустить повторения трагедий на межнациональной почве» // Российская газета. 2019. 19 дек.). Использованы нейтральные формулировки общего характера.

Иная ситуация сложилась с «Коммерсантом». Начало войны газета восприняла критически. *«Если политическая сторона операции в Чечне привела к расколу российского общества, то военная — продемонстрировала беспомощность командования»* (Ситуация в Чечне (военный комментарий) // Коммерсантъ. 1994. 13 дек.), *«Правительство полагает, что “кольца враждебности” по периметру Чечни и вокруг Грозного — хороший стимул для ведения “мирных переговоров”: Третье “кольцо враждебности” создается вокруг Москвы — по сведениям агентства НСН, вчера пресс-центр мэрии предложил горожанам “не удивляться”, если они случайно наткнутся на улице на БТР или над городом закружат боевые вертолеты: бережного Бог бережет»* (Когда у президента насморк, у парламента — воспаление легких // Коммерсантъ. 1994. 13 дек.), *«Впрочем, чеченские власти к войне готовятся всерьез. Главная сила, способная нанести российским войскам серьезный урон, это не ополченцы со старыми автоматами и карабинами, а гвардейцы президента, “абхазский батальон” Шамиля Басаева и бойцы департамента госбезопасности»* (Из тумана над Грозным посыпался «Град» // Коммерсантъ. 1994. 13 дек.). Тезисы о «беспомощности командования», ирония по поводу «третьего “кольца враждебности”» вокруг Москвы задают негативную оценку хода событий. Участники

противостояния «российским войскам» названы без эмоционально-оценочных коннотаций: «ополченцы», «гвардейцы президента» и «бойцы департамента госбезопасности», и никаких «боевиков», «террористов» или «бандитов».

В конце 1999-го — первые месяцы 2000-го «Коммерсантъ» воздерживается от проведения параллелей между текущими военными действиями в Чечне и событиями 1994-1995 гг. И лишь 4 мая 2001 г. журнал «Коммерсант. Власть» выпускает справочную статью «Войны с Чечней». Тут нет упоминания «гвардейцев президента», хотя «ополченцы» и «бойцы» еще остаются: *«К началу боевых действий численность вооруженных сил Чечни составляла 15 тыс. бойцов регулярной армии и 30-40 тыс. ополченцев»*. С ними соседствуют «сепаратисты» и «боевики»: *«По мере приближения к чеченской столице сопротивление сепаратистов возрастало», «Боевики перешли к партизанской тактике»* (Войны с Чечней // Коммерсант. Власть. 2001. 4 мая) — издание использует, подобно «Российской газете», практики формирования эмоционально окрашенного образа врага. Тем не менее установка на критическую оценку действий обеих сторон военного конфликта в целом сохраняется: *«Ни первая, ни вторая чеченская война не принесла российской армии славы победителя»*.

В 2019-м издание, обращаясь к событиям 1994 г., подробно и конкретно характеризует события в Чечне, представляя конфликт прежде всего в аспекте противостояния разных политических сил внутри Чеченской республики: *«Любой, кто в те времена пытался предостеречь от военного конфликта с Москвой, вызывал раздражение Дудаева и его ближайших соратников. Даже диссидент и известный на Западе советолог Абдурахман Авторханов, которого трудно было заподозрить в лояльности российскому руководству, попал в число недругов дудаевского режима», «Даже начальник охраны лидера сепаратистов Руслан Лабазанов, разочаровавшись в политике своего босса, перешел к Руслану Хасбулатову. Накануне первой чеченской войны Дудаев контролировал меньше половины республики»* (Да, Паша, будем воевать. Как 25 лет назад начиналась первая чеченская война // Коммерсантъ. 2019. 30 нояб.); *«26 ноября Москва предприняла попытку смены власти в Чечне без участия Хасбулатова. На захват президентского дворца отправили вооруженную оппозицию во главе с Умаром Автурхановым. Штурм провалился»* (там же). И ни слова об участии в данных событиях танкистов из Таманской и Кантемировской дивизий, завербованных накануне сотрудниками ФСК (сейчас ФСБ).

Лишь «Новая газета» в освещении событий в Чечне выдерживает одну линию на протяжении 25 лет. В фокусе — страдания мирных жителей, простых солдат, жестокость и беспредел со стороны командования: *«Когда говорят, что армия воюет с преступниками, я, глядя на него, не знаю, с какой они стороны. Капитан не смог помыть и накормить солдат, но угадал установку начальства: "Пожесточе с журналистами". Подлостью достичь доблести — тоже дар»* (Звезды на генеральские погоны падают с братских могил // Новая газета. 1994. 23 дек.), *«Умар вел нас по мертвому, разбомбленному городу, о котором командующий ВВС Дейнекин сказал, что в нем авиация работала только по стратегическим объектам»* (Следы военного преступления пытаются скрыть: вместо похоронок придут извещения о «пропавших без вести» // Новая газета. 1995. 13 янв.), *«Сначала расставим точки.*

Отправные. У меня их на сегодня три. Первое. Грозного — нет. Как нет нескольких тысяч его жителей и нескольких тысяч российских солдат. Ельцин, Дудаев, Грачев, Егоров — есть... И последнее. Я всегда знал, что нами управляют нечистоплотные люди, но никогда не думал, что до такой степени» (На развалинах Грозного очень много старух, голодных детей и мародеров // Новая газета. 1995. 8 фев.).

Материалов о событиях 1994-1995-го на страницах «Новой газеты» 1999 — 2000-го обнаружить не удалось. Но то, что публиковалось о событиях в Чечне на рубеже веков, по лексике и тональности не особенно отличается от публикаций середины 1990-х: «Война в Чечне стала оружием пропаганды. Черным пиаром нового президента. Имя его вроде известно. Как, впрочем, известно и то, что будет после войны», «Война обслуживает пропаганду. Это новый вид PR, оплаченный уже не баксами в коробках из-под ксероксов, а солдатской кровью.... Если пропагандистские задачи решаются военными средствами, значит, военные задачи будут заведомо провалены... Война — вообще не способ решать внутривосточные вопросы. Когда боевые действия начинают ради внутривосточных целей, это неминуемо заканчивается поражением и разложением армии» (Война до победного начала // Новая газета. 2000. 10 янв.), «И у нас точно так же. Каждое село теперь — концлагерь. Внутри перемещение более или менее свободное, но за околицу сунуться нельзя. Проход в село с 12 до 16 — таков приказ откуда-то сверху. Чей конкретно, нам не говорят. Если беженцы пришли раньше 12 или позже 16, им лучше не соваться. Я спрашиваю военных: “А почему нельзя?” Они ничего не отвечают», «Я считаю, что боевики — бандиты, а федералы — каратели. Машины из села в село едут — их расстреливают. Автобусы с беженцами — тоже расстреливают! Бойцы шамановской группировки поступают по отношению к мирным жителям по-садистски, а трошевской — нормально себя ведут. Значит, все зависит не от политики, а от чьих-то генеральских настроений» (Село-концлагерь // Новая газета. 2000. 10 янв.).

В 2019-м отношение редакции «Новой газеты» к происшедшему в Чечне в 1994-1995 не изменилось. «Это приехали искать своих детей отцы и матери. Как только военная колонна выходит за шлагбаум, сотни мужчин и женщин бросаются в грязь — под колеса — в тщетной надежде не пустить мальчишек на убой. Мне это снится до сих пор», «А я не мог оторвать взгляд от гигантской стопки военных билетов. Это документы попавших в плен и убитых. Как мне сказал директор школы, историк, на прикроватной тумбочке которого лежал раскрытый том “Идиота”, этими людьми никто не интересовался. Офицеры расстреляны, солдат — кто выжил — боевики сами вывезли из Чечни» (Чечня присоединила Россию. Началось все 25 лет назад, когда Россия попыталась присоединить Чечню // Новая газета. 2019. 11 дек.).

Анализ публикаций, связанных с началом первой чеченской войны, показал, что при определенных различиях в идеологических подходах разных СМИ в целом в практиках конструирования этого события преобладают смыслы, увязывающие само событие с более широким социальным контекстом, актуальным в информационной повестке определенного периода: с одной стороны, стремление показать позицию разных сторон конфликта постепенно сводится к трансляции лишь официальных политических оценок со стороны российского руководства, с другой —

антивоенный и гуманистический пафос в освещении военной темы на протяжении четверти века.

Литература

1. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 159–167.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., дополненное. — Москва: ООО «А ТЕМП», 2010.
3. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: «монография» / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др., под ред. Э. В. Чепкиной. — Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
4. Чепкина Э.В. Проблемы толерантности в средствах массовой информации: учеб.-метод. пособие / Э. В. Чепкина. — 2-е изд., стер. — Москва: Флинта; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.
5. Чепкина Э. В. Проблема Другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «Другой» в дискурсе СМИ / Э. В. Чепкина, О. Ф. Автохутдинова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2015. — № 2 (138). — С. 113–119.
6. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды (1995-2000). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.